

христианства⁴. Да и современные авторы указывают как на широко известный факт, что христианство свободно заимствовало из языка и иконографии язычества⁵, что вера в верховного бога была общим основанием для христиан и многих язычников⁶ и что возможно говорить о нейтральном монотеизме, засвидетельствованном, в частности, в панегириках (ibid., p. 300–302). Кроме того, выявление в «язычестве» черт, обеспечивших триумф христианства, проводилось и по другим направлениям, в частности, в рамках Religionsgeschichtliche Schule, указывавшей на связь христианской литературы с эллинистическими аретологиями и значение фигуры странствующего чудотворца и философа как в языческой, так и в христианской пропаганде.

Отличие идеи сборника от предшествующих поисков монотеизма в язычестве состоит в привлечении более широкого круга традиций и источников и демонстрации того, что не только философы, но и очень существенная часть позднеантичных язычников была осознанно монотеистической (с. 20). Это актуально в связи с тем, что многие крупнейшие специалисты в области позднеантичной религии как будто вовсе не замечают подобных тенденций: так, Р. Макмаллен считал и продолжает считать⁷ основной характеристикой религии империи веру в существование множества божеств.

Терминологически сборник довольно резко порывает с традицией обозначать подобные явления позднеантичной религии как синкретизм или энотеизм. Это можно признать характерным для П. Атанассиади, в свое время утверждавшей⁸, например, что в планы Юлиана входило основание универсальной монотеистической языческой религии и церкви, основанной на принципах ямвлихианского неоплатонизма. Это мнение получило возражение, в частности, со стороны Р. Смита, который увидел в этом преувеличение степени, в какой теургический неоплатонизм, практикуемый частным лицом, соответствовал общественной религиозной программе⁹. В случае с Юлианом Смит вообще предлагает говорить не о «монотеизме», а об универсализме, коренящемся в энотеизме и митраизирующей теологии, подчеркивающей связь между земной и небесной монархиями (ibid., p. 220).

По моему мнению, авторам следовало бы обратить больше внимания на обоснование своего понятийного аппарата в соотношении именно с традиционными научными терминами. Странно, что полемика ведется преимущественно с христианскими апологетами и общепринятым мнением. Тем не менее сборник представляет собой интересное исследование, заставляющее по-новому посмотреть на многие известные факты позднеантичной религиозной истории и скорректировать уже устоявшиеся оценки и определения.

О.П. Смирнова

© 2001 г.

A. PANAINO. *La novella degli scacchi e della tavola reale. Un'antica fonte orientale sui due giochi da tavoliere più diffusi nel mondo eurasiatico tra Tardoantico e Medioevo e sulla loro simbologia militare e astrale*. Testo pahlavi, traduzione e commento al *Wizarišn ī čatrang ud nihišn ī nēw-ardaxšīr* «La spiegazione degli scacchi e la disposizione della tavola reale». Milano: Mimesis, 1999. 268 p. (А. Панаино. Новелла о шахматах и о нардах. Древний восточный источник о двух наиболее распространенных в поздней античности и средневековье евроазиатских настольных играх и об их военной и астральной символике. Текст пехлеви, перевод и комментарии к «Визаришн и чатранг уд нихишн и невардахшир» – «Объяснение шахмат и расположение нардов»).

⁴ Murray. Op. cit. P. 157.

⁵ Bowersock G. Hellenism in Late Antiquity. Ann Arbor, 1990. P. 44.

⁶ Liebeschuetz J.H.W.G. Continuity and Change in Roman Religion. Oxf., 1979. P. 281.

⁷ MacMullen R. Paganism in the Roman Empire. New Haven, 1981; *idem*. Christianity and Paganism in the Fourth to Eighth Centuries. New Haven–London, 1997. P. 32.

⁸ Athanassiadi-Fowden P. Julian and Hellenism. Oxf., 1981; Athanassiadi P. Julian: An Intellectual Biography. L., 1992.

⁹ Smith R. Julian' Gods. Religion and Philosophy in the Thought and Action of Julian the Apostate. L.–N.Y., 1995. P. 165.

Это новое издание пехлевийского сочинения, уже известного в нескольких печатных изданиях и в частности в итальянском переводе А. Пальяро (1951 г.), может показаться малоинтересным русскому читателю, имеющему в своем распоряжении его русский перевод под редакцией И.А. Орбели и К.В. Тревер (Л., 1936). На самом же деле междисциплинарный подход Антонио Панаино и его широкая образованность, которая простирается от филологии до истории научного знания, делают его книгу произведением крупного масштаба, захватывающе интересно освещающим связи между миром классической древности и Востоком в период между поздней античностью и ранним средневековьем.

Книга, которой предпослано предисловие автора, разделена на две части и открывается длинным списком библиографии, широта которого дает точное представление о богатстве работ, изученных автором; затем следует список сокращений.

Часть I содержит транслитерацию, транскрипцию и комментированный перевод пехлевийского текста, которые предваряют глава «Пролегомены» и глава, посвященная рукописной традиции и предшествующим изданиям. В «Пролегоменах» всегда к стати выделены аллегорические развороты произведения, которое ведет свое происхождение из придворной куртуазной среды сасанидской эпохи, но затрагивает в целом также и темы религиозного и философского характера. Богатый комментарий к этому сочинению, помещенный в части II, состоит из семи глав, которые посвящены различным проблемам, связанным с интерпретацией текста и вообще с историей двух настольных игр, рассматриваемых в техническом и культурном аспектах, а также с точки зрения символики.

К заслугам Антонио Панаино необходимо отнести то, что он сумел прочитать текст во всей его глубине, выходя за рамки возникающей на первый взгляд литературной фикции, а также то, что ему удалось подчеркнуть важность этого произведения для истории культуры сасанидского мира (главы I–IV). Рассматривая различные предлагаемые датировки текста, выделяя объективно существующие сомнения, автор тем не менее относит первоначальную редакцию текста к позднесасанидской (между VI и VII вв.), а не к исламской эпохе. Подобным же образом автор, с одной стороны, считает затруднительным дать точную историческую идентификацию персонажей, задействованных в событиях, с другой стороны, определяет некоторые черты, которые кажутся отражением реальных фактов, таких как идеологическое обоснование иранского превосходства и существование интенсивных связей между сасанидским Ираном и северной Индией. Решающими являются доводы, опровергающие выдвинутые в прошлом тезисы об отождествлении персидского героя соревнования, мудреца Вузургмихра, с одноименным астрологом сасанидской эпохи, которому приписывается пехлевийский перевод 'Αυβολου(αι Веттия Валента, а также с придворным врачом Хосрова I Бурзой, тоже вошедшим в легенду.

Сопоставление повествования «Визаришн и чатранг» и двух эпизодов, содержащихся в «Шах-наме» Фирдоуси и в «Гулар ас-сияр» Таалиби, трактующих это же событие и зависящих, без сомнения, от одной и той же традиции, хотя и не непосредственно от пехлевийского текста, выявляет отличия композиционного и литературного порядка, которые можно оправдать только различной датировкой, что, следовательно, подтверждает старшинство пехлевийского текста.

Главы VI и VII, посвященные соответственно шахматам и нардам, включают в себя реальную историю настольных игр: в них анализируются все имеющиеся исторические, филологические и археологические свидетельства от Индии до Средиземноморья, с бронзового века до средневековья. Особенно интересен в работе Панаино тонкий анализ процесса трансформации фигур, описанных в сасанидском тексте, в фигуры актуальной шахматной игры: например, колесница превращается в ладью. Сложный, астрологический по своей природе символизм, связанный с настольными играми, в особенности с нардами, также проиллюстрирован богатой документацией, которая показывает теснейшие связи, которые в период между поздней античностью и средневековьем соединяли Восток и Запад.

Книгу дополняют различные полезные приложения. Первое из них составляет пехлевийская лексика, которая может послужить в том числе и отличным дидактическим материалом. Во втором приложении представлен в четко выполненной репродукции пехлевийский текст, опубликованный в 1897 г. в Бомбее Дж.М. Джамаси-Асана. В третьем приводится итальянский перевод с непрерывным текстом. Далее следует краткое содержание книги на английском языке и английский перевод «Визаришн и чатранга». Завершают труд объемные указатели: знаменательных слов, цитируемых античных произведений, имен и основных понятий, античных авторов, главных исторических персонажей и всех относящихся к названным играм терминов.

Книга Антонио Панаино далеко выходит за рамки обычного филологического издания

текста: в ней методологическая безупречность и глубокая эрудиция выливаются в ясную и живую картину особо важного для истории человеческой культуры периода, т.е. поздней античности, когда Восток и Запад были очень тесно связаны. Поэтому этот труд может заинтересовать даже читателя, не входящего в круг востоковедов.

Пьерфранческо Кальери

© 2001 г.

M. GANDINI. Raffaele Pettazoni. Materiali per una biografia. «Strada Maestra». San Giovanni in Persiceto. 1989. № 27. 2. P. 1–165; 1992. № 32. 1. P. 119–247; 1992. № 33. 2. P. 129–223; 1993. № 34. 1. P. 95–227; 1994. № 36–37. P. 177–298; 1996. № 40. 1. P. 63–205; 1997. № 43. 2. P. 65–173; 1998. № 44. 1. P. 97–214; 1998. № 45. 2. P. 157–241; 1999. № 46. 1. P. 77–223; 1999. № 47. 2. P. 95–226.

С 1989 г. в журнале городской библиотеки «Дж.Ч. Кроче» г. Сан-Джованни-ин-Персичето «Страда Маэстра» публикуются «сериями», как любит говорить проф. Гандини, «Материалы по биографии Раффаэле Петтацони». Это труд крупного масштаба, и на настоящий момент он охватывает период с 1883 г. (года рождения Петтацони) до 1927 г. включительно. Выделим некоторые общие характеристики работы. Независимо от уровня осведомленности читателя о жизни и творчестве Петтацони, М. Гандини удается восстановить, на мой взгляд, очень удачно, дух эпохи, события и атмосферу, в которой жил, учился, творил великий ученый, профессор истории религий. Все это находит конкретное выражение в значительном объеме работы: свыше 1300 страниц для описанного на сегодня периода. Если размеры работы, с одной стороны, могут испугать того, кто приступает к ее чтению, то, с другой стороны, они гарантируют читателю точность, в большинстве случаев достигающую до малейших деталей. Труд сопровождается многочисленными фотографиями, репродукциями страниц рукописей и писем Петтацони, титульными листами и оглавлениями его работ и, кроме того, в нем наличествует множество сносок, относящихся не только к фигуре Петтацони, но также и к людям и событиям, которые были связаны с жизнью этого ученого.

Безусловно оцененная по достоинству читателями, интересующимися местной историей, глубоким знатоком которой является проф. Гандини, первая часть труда – «Раффаэле Петтацони от рождения до окончания университета: 1883–1905 гг.» – имеет фундаментальное значение для понимания многих последующих событий его жизни. Первые занятия, городское и семейное окружение, пробуждение интереса к политике, первые учителя... 160 страниц интересного и доставляющего истинное удовольствие чтения пробегаешь на одном дыхании и сам того не замечая доходишь до момента окончания молодым ученым университета. В текст также включены выдержки из первой статьи историко-религиозного характера «Религии Японии» (*Le religioni del Giappone*), опубликованной Петтацони в газете «Ресто дель Карлино» в 1904 г., и краткое содержание его дипломной работы «*Le origini dei Kabiri nelle isole del mar Tiraso*», посвященной происхождению кабиров на островах Фракийского моря и представленной факультету профессором Пунтони (рукописная копия этой работы находится в библиотеке г. Сан-Джованни-ин-Персичето). Дипломная работа Петтацони, впоследствии изданная Академией деи Линчеи, – труд совсем немаловажный, ее ценил Гемберг, писавший о кабирах спустя несколько десятилетий (*Die Kabiren*).

Вторая часть «Материалов», посвященная времени, когда Петтацони самостоятельно изучал историю религий и одновременно посещал Итальянскую археологическую школу, также располагает к легкому чтению. М. Гандини, не утомляя читателя, знакомит его с послеуниверситетской деятельностью Петтацони. Горизонт, открывающийся перед нами, значительно расширяется: небольшие местные персичетские события встречаются в тексте все реже, уступая место значительно более масштабным и важным. Этот «археологический» период жизни Петтацони, может быть, менее известен, чем последующие, но он не прошел бесследно: к этому времени относятся работы «О клазоменских саркофагах» (*Intorno ai sarcofagi di Klazomene*; рукопись, в которой недостает 16 страниц, хранится в библиотеке г. Сан-Джованни-ин-Персичето) и «О святилищах Беотии» (*Sui santuari della Beozia*).